

Державин – «поэт величия»

© З. К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

В статье рассматриваются место и роль поэзии Державина в русской литературе начала XIX века, его роль в развитии русского литературного языка, анализ и оценка его творчества В.Г. Белинским и Н.В. Гоголем.

Ключевые слова: Державин, поэтика, язык, слог, теория трех стилей, высокий стиль, жанрово-стилистический канон, ода, предметный мир, диалектизмы, архаизмы, славянизмы, просторечие.

Среди проблем истории русской культуры рубежа XVIII–XIX столетий, которые не имеют однозначного решения, свое особое место занимает проблема творческой манеры и личности Гаврилы Романовича Державина. Состоит она и в том, что крупнейшие деятели русской литературы, литературной критики и литературоведения, как известно, давали весьма противоречивые оценки творческому наследию поэта. На это обстоятельство указывал еще В.Г. Белинский в обзоре «Русская литература в 1841 году», когда писал: «Никого у нас не хвалили так много и так безусловно, как Державина, и никто доселе не понял менее его» [1. С. 283].

Воспроизведем некоторые из принципиальных оценок творчества Державина, принадлежащие крупнейшим деятелям русской литературы. В размышлениях о причинах отставания языка русской прозы от

русского же поэтического языка эпохи, достигшего «высокой степени образованности», А.С. Пушкин в своей заметке от 1824 года утверждал, в частности, что «некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения...» [2]. В следующем же году в письме к А.А. Дельвигу оценка Пушкина звучит, однако, резко критически: «Он (Державин. – З.Т.) не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии – ни даже о правилах стихосложения. (...) Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать даже строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины и движения истинно поэтические*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника» [3], – писал Пушкин А. Дельвигу в июне 1825 года. Неприятие поэта вызывают прежде всего язык и слог Державина, которые, по мнению Пушкина, не согласуются с его высоким художественным даром и «истинно поэтическими движениями» души.

Восторженно отзывался о поэзии Державина в 1822 году А.А. Бестужев-Марлинский в обзоре старой и новой словесности в России: «Наконец, к славе народа и века, явился *Державин*, поэт вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни после него недостижимые. Его слог неуловим, как молния, роскошен, как природа. Но часто восторг его упреждал в полете правила языка, и с красотою вырывались ошибки...» [4. Курсив здесь и далее наш. – З.Т.]. В.К. Кюхельбекер также высоко ставил поэзию Державина, в которой, как он считал, выражены чувства «сильные, нежные, живые, пламенные», «вырывавшиеся иногда из богатой души» поэта [5].

Также восторженной и с разных сторон мотивированной оценки Державин впервые был удостоен Н.В. Гоголем, предпринявшим в 1846 году основательную попытку обозреть и понять истоки, движущую силу русской поэзии нового времени с начала ее жизни, и находившим в его творчестве «что-то исполинское и парящее», передаваемое «гиперболическим размахом его речи». Сопоставляя Державина с его великим предшественником Ломоносовым в одической традиции, Гоголь в своих размышлениях «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» замечает, что в своих «риторически составленных одах» Ломоносов предстает скорее в качестве ученого-натуралиста, восторженно любующегося «с какой-то светлой вышины» русской землей с «ее беспредельностию и девственною природою», «нежели поэта» [6. С. 142–143]. А Державин – поэт, которого «занимает наука жизни», причем жизни отдельного человека. Оды Державина «обращаются уже к людям всех сословий и должностей, и слышно в них стремление начертать закон правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях. У него выступило уже *творчество*» [6. С. 144], – писал Н.В. Гоголь.

На смену ломоносовской оде, составляемой по прописанным жанровым канонам, приходит ода Державина, представляющая собою результат поэтического творчества, авторской свободы и авторского мироощущения. Державин – «поэт величия, – продолжал Гоголь. – Все у него величаво: величав образ Екатерины, величава Россия, созерцающая себя в восьми морях своих; его полководцы – орлы; словом – все у него величаво. Заметно, однако же, что постоянным предметом его мыслей, более всего его занимавшим, было – начертить образ какого-то крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изобразить его таким, каким он должен был изникнуть, по его мнению, из крепких начал нашей русской породы, воспитавшись на непоколебимом камне нашей церкви» [Там же. С. 145]. Таким образом, в оценке Гоголя Державин предстает как *реформатор одической традиции в русской поэзии не по форме, а прежде всего по предмету изображения*. Державин, в отличие от Ломоносова, воспевание «самодержавного, государственного величия России» как общенациональной абсолютной ценности *дополняет обязательными картинами жизни отдельного человека, вообще простых людей России*, на которых держится и умножается это государственное величие. Это не могло не сказаться на языке и слоге Державина, который характеризовался, согласно Гоголю, «той же картинно-величавою наружностью, как и все люди времен Екатерины, развернувшиеся в какой-то еще дикой свободе, в частях, как случается с теми произведениями, которые выставляются несколько торопливо напоказ» [Там же. С. 144], на его поэтическом идиолекте, создаваемом на новых основаниях.

«Все у него крупно, – писал Гоголь. – Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. Кто бы посмел, кроме его, выразиться так, как выразился он в одном месте о том же своем величественном муже, в ту минуту, когда он все исполнил, что нужно на земле:

И смерть как гостью ожидает,
Крутя, задумавшись, усы.

Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?» [Там же. С. 146]. Вместе с тем, считает Гоголь, достоинства слога Державина вдруг превращаются «в неряшество и безобразие, как только оставляет его одушевление» [Там же].

В общее русло таких оценок укладываются и суждения В.Г. Белинского. Комментируя текст оды «Рождение красоты» (1797) и выделив в ней курсивом множество неудачных, на его взгляд, мест, Белинский

писал: «Вот уж подлинная глыба грубой руды с яркими блестками чистого, самородного золота! И таковы-то все анакреонтические стихотворения Державина: они больше, нежели все прочее, служат ручательством его громадного таланта, и вместе с тем и того, что он был только поэт, а отнюдь не художник, то есть, обладая великими силами поэзии, не умел владеть ими» [1. С. 116]. Имея в виду недостатки поэзии Державина, его неумение «владеть силами поэзии», Белинский обращает внимание на то, что она, во-первых, «осталась без всякого содержания», если не принимать во внимание «мысль о преходящности всего в мире, о падении героев, царств и народов, смываемых с лица земли волнами всепоглощающего океана времени» [Там же. С. 284] («Ода на смерть Мещерского»); во-вторых, ей недостает «вкуса и художественного такта», образности, а также «сущности поэзии – красоты» [Там же. С. 114].

Очевидно, что суждения выдающихся деятелей русской литературы, поучительные и существенные сами по себе, единодушны как в безусловном признании художественного таланта Державина, так и в критической оценке поэтико-стилистического оформления его произведений, которое, на их взгляд, отставало от литературно-эстетических ожиданий его времени.

Заметим сразу же, что в этой двуединой проблеме все еще недостаточно изученным остается тот ее аспект, который связан с анализом и осмыслением языка и стиля его поэзии. Этим обстоятельством и предопределяется задача настоящих заметок – кратко наметить, в том числе и на базе существующих исследований, некоторые неотъемлемые черты поэтического языка Державина на фоне традиций словесности и состояния русского литературного языка XVIII столетия.

Вопросы, требующие ответа, можно сформулировать так: были ли правы критики Державина? Слог Державина – это результат реализации его особого понимания сути поэтической речи или следствие исторически обусловленных недостатков его культурно-языковых представлений? Едва ли подлежит сомнению, что критики Державина во многом, безусловно, были правы. А второй вопрос сложнее. Дело в том, что специальная лингвистическая литература как-то обходит его. Констатируя активное использование в поэтическом творчестве Державина разностилевых языковых элементов, обычно квалифицируют этот процесс как стихийное *смещение стилей*, но не как *проявление реформаторства*, не как реализацию целенаправленных сознательных усилий поэта.

Такого рода напрашивающееся разграничение применительно к творчеству Державина не прослеживается даже в общепризнанных классических исследованиях по истории русского литературного языка и истории стилей художественной речи [7. С. 154–158]. Одни, например

Г.А. Гуковский [8. С. XLIV], мотивированно доказывали, что Державин отменяет в своей поэтической практике жанровый принцип отбора языковых средств, а другие считали, что его творчество в принципиальном отношении не выходит за рамки теории трех стилей [9]. У Державина, в отличие от того же Ломоносова, действительно не было продуманной стратегии упорядочения речевой практики своего времени. В то же время его собственная поэтическая практика далеко не укладывалась в теорию трех стилей Ломоносова. Не составляли исключения и его оды, которые были широко открыты для языковых средств, далеких от традиционных норм высокого стиля.

Державин *психологически и по опыту жизни был совершенно свободен от давления жанрово-стилистических канонов в выборе языковых средств* для своих поэтических произведений независимо от их конкретной предназначенности. Принцип, в соответствии с которым *подобные* предметы, явления, ситуации должны были описываться *только подобными* языковыми средствами, освященными традицией, для него не был обязательным. Он не видел необходимой и обязательной соотнесенности между тем, что мы видим в природе и что дано нам в нашей духовной деятельности, и способами их языкового воплощения. С помощью языка можно объективировать, сделать очевидным все, считал Державин. Язык – это способ материализации всего сущего и мыслимого. Предметный мир и жизненные ситуации неисчислимы, но они поддаются конкретно-языковому описанию. Следовательно, язык призван быть *разнообразным в силу разнообразия жизненных проявлений*, подлежащих языковому описанию.

Этим языковым разнообразием в понимании Державина охватывались и диалектизмы, и разговорные формы, и просторечные слова, и архаизмы, и славянизмы, и искусственно создаваемые выразительные средства, если они укладывались в природные границы языка и были востребованы его выразительными задачами. Такова достаточно отчетливо прослеживаемая логика поэтического использования языка Державиным. Г.А. Гуковский был совершенно прав, когда писал, что «нужда, то есть житейская практическая цель, – один из двигателей его творчества; такова его собственная точка зрения» [8. С. XLV].

Предметом его поэзии могло стать что угодно, даже состояние международных отношений между Россией и Европой, как это видно из оды «На взятие Измаила»:

Доколь Европа просвещенна,
С перуном будешь устремленна
На кровных братиев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

Стихийно-интуитивное следование предписаниям высокого стиля нашло отражение в тяготеющих к архаике лексике и грамматике: «великих дел *содетель*»; «унял *прю*», «*простря* твои победы»; «щедроты *расточать*»; «И *досязает* до небес»; «Христовой верой *провожденный*»; «Где тайна перстом *помавает*»; «И *зизжду* счастье людей»; «Несчастливым подать *покров*»; «Мы низложили город в *персть*». Иногда в поэтический текст целостными или видоизмененными включаются даже узнаваемые библейские синтаксические формулы, например: «*Да будет тишина!*» – сказала, / *И к нам бы тишина пришла*.

Более того, при необходимости поэт может создавать нужные ему выразительные средства в пределах соответствующих языковых традиций – книжной, славянской, разговорно-просторечной и т.д., при этом утверждая за ними не замкнуто-стилистический, а межстилевой статус: «В *воскликновениях* и *стоне*, / В сердцах их *зизждут алтари!*»; «*Решитель дум* в войне и мире; Да слов твоих *сладчайша тока* / И *лицезренья наслаждусь!*». Того же плана и архаичные, но экономные конструкции с родительным падежом субъекта с предлогом *от*: «И *вожделенное от всех*, / О ты, *великомощно Счастье!*» или конструкции с винительным падежом с инфинитивом в значении придаточного объектно-изъяснительного: «Иной *вменял* мне в *преступленья*, / Что я *посланицей* с небес / *Тебя быть мыслил* в *восхищенье* / И *лил* в восторге *токи слез*»; «*Мурза!* – она *вещала* мне, – / *Ты быть себя счастливым чаешь*, / Когда по дням и по ночам / На *лире* ты *своей играешь* / И *песни* лишь *поешь царям*»; «*Тебя душа моя быть чает*, / *Вникает*, *мыслит*, *рассуждает*: / Я *есмь* – конечно *есть* и ты!».

Вместе с тем, у Державина в текстах традиционно высокого стиля функционально мобилизованными оказываются и такие языковые средства, которые, составляя принадлежность разговорных форм речи и просторечия, никак не были связаны с высоким стилем: «*Любимцы* *въявь* им *не хохочут* / *И сажет* не *марают рож*»; «Когда ты *просвещаешь нравы*, / Ты *не дурачишь* так *людей*»; «Он *сильны орды пхнул ногою*»; «*За рассказы*, *за растабары*, / *За вирши* иль *за что-нибудь* / *Исподтишка* *драгие дары* / И в *досканцах* *червонцы шлют*»; «Иной *отнес* себе к *бесчеству*, / Что *не дерут его усов*; / Иному *показалось больно*, / Что он *наседкой не сидит*». Иногда просторечие, органично сочетаясь с поэтическим целым, становится полным хозяином художественного полотна Державина:

Стамбулу *бороду ерошишь*,
 На Тавре *едешь чехардой*,
 Задать *Стокгольму перцу хочешь*,
 Берлину *фабришь ты усы*,
 А *Темзу в физжмы наряжаешь*,
 Хохол *Варшаве раздуваешь*,
Коптишь голландцам колбасы...

(На счастье).

Просторечные грамматические формы (видовые и падежные, формы сравнительной степени, деепричастий и др.) используются в разных текстах: «Поспешно б *натягали лук*»; «Носить ей скипетр *пособляли*»; «*Громчай* в потомстве возгласил»; «Когда *от бремя* дел случится / И мне свободный час иметь»; «*Сын время*, случая, судьбины / Иль неведомой причины, / Бог сильный, резвый, добрый, злой!»; «В серебряной своей порфире / *Блистаючи* с высот, она / Сквозь окна дом мой освещала».

Если к этому добавить еще и народную фразеологию («Их денег куры не клюют», «Бегу, нос вздернув, к кабинету»), фольклорные формулы («И гром за тридевять земель / Несет на лунно государство»), территориально ограниченные (диалектные) слова [8. С. 157–158] и другие подобные выразительные средства, то получим широкую панораму стилевой палитры Державина, в которой просматриваются, пусть и отдаленно-робкие, но все же контуры пушкинских подходов к перераспределению богатств русской народной и книжной словесности в интересах новой, реалистически ориентированной стилистики, на что справедливо указывал еще Белинский. Но Державину не удалось, в том числе и в силу исторических причин, создать и убедительно продемонстрировать интуитивно угадываемую им новую стилистическую тенденцию русской поэтической речи. По оценке Г.А. Гуковского, «романтическая идея вдохновения, диктующего поэту высшие откровения, живущего в поэте и поднимающего его, впервые в русской литературе звучит в творчестве Державина», которым пока управляло лишь «беззаконное вдохновение» [9. С. XLV].

Это особенно заметно на примере державинского синтаксиса, в котором роскошно и по новым образцам выстроенные фигуры речи, новые, чисто русские периоды, свободные от латинского и немецкого влияний, то и дело перемежаются с архаичной поэтической риторикой с вероятно запутанными инверсиями, отбрасывавшими его синтаксис далеко назад, например: «Чтоб видел я в рога зовущих / Там пастухов стада на луг; / На рощах липовых, цветущих / Рои жужжащих пчел вокруг» (Изображение Фелицы).

Существенно и то, что в практике поэтической речи Державина отмечаются и более глубинные проявления жанровых изменений – это контаминации, благодаря которым сами жанры перестраиваются изнутри. В этом отношении особенно показательна, например, ода «На смерть князя Мещерского», в которой отчетливо прослеживаются черты и приемы даже такого фольклорного жанра, как плач.

Все сказанное позволяет утверждать, что Державин занимал свое самобытное место не только в складывавшейся национальной русской литературе предпушкинской поры, но и в принципиальном обозначении важнейших направлений развития и демократизации русского литературного языка на общенациональной основе.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1841 году // *В.Г. Белинский*. Собр. соч. В 9 т. М., 1979. Т. 4.
2. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 6 т. М., 1950. Т. 5. С. 18.
3. Переписка А.С. Пушкина. В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 381.
4. *Бестужев (Марлинский) А.А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // *Русские писатели о языке*. Л., 1954. С. 144.
5. *Кюхельбекер В.К.* Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений. «Декабристы» // *Русские писатели о языке*. Л., 1954. С. 156.
6. *Гоголь Н.В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // *Н.В. Гоголь*. Собр. соч. В 6 т. М., 1950. Т. 6.
7. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
8. *Державин Г.Р.* Сочинения / Сост. В.П. Степанова и Г.П. Макогоненко. Л., 1987. С. 5.
9. *Гуковский Г.А.* Вступительная статья // *Русская литература XVIII века*. Л., 1937.

*Петрозаводский государственный
университет*